

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5
Н48

Серия «Золотая серия поэзии»
Оформление *А. Новикова*

В оформлении переплета использована
репродукция картины «Утро помещицы»
художника *А. Г. Венецианова*

На 4-й стороне переплета — репродукция портрета
поэта *Н. А. Некрасова* (1877 г.)
художника *И. Н. Крамского* (1837—1887 гг.)

Серия «Всемирная библиотека поэзии»
Оформление *А. Саукова*

В оформлении переплета использована
репродукция портрета поэта *Н. А. Некрасова* (1877 г.)
художника *И. Н. Крамского* (1837—1887 гг.)

Некрасов, Николай Алексеевич.

Н48 Стихотворения / Николай Некрасов. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-100505-4 (Золотая серия поэзии)

ISBN 978-5-04-100504-7 (Всемирная библиотека поэзии)

Литературное наследие Н. Некрасова обширно и разнообразно по жанрам. В книгу включен и знаменитый паневский цикл — изумительный памятник любовной лирики XIX века, и стихотворения, обращенные к детям, и безусловно, гражданская лирика поэта, интерес к творчеству которого неуклонно растет.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

ISBN 978-5-04-100505-4
ISBN 978-5-04-100504-7

© **Федякин С.Р.**, предисловие, комментарии, 2019
© **Оформление.** ООО «Издательство «Эксмо», 2019

СЛОВО НЕКРАСОВА

Он был поэт подлинный, и потому — *другой*, не похожий ни на Пушкина, ни на Жуковского, ни на Лермонтова, — которым он так старательно подражал в первой книге стихов. В XX веке скажут:

«Таких песен замогильных, страшных, в русской поэзии еще не было. Это «неподражаемые, неистовые» звуки, ветровые, природные. В них особые гласные — глухие, протяжные, бесконечно длящиеся и особый ритм, раскатывающийся, гулкий, пустынный. Предельная обнаженность стихийного начала, некрасовской звериной тоски. Все сметено движением этого ритма — гражданственность, народность, «проблемы»; кругом — пустая степь без конца и без края и ветер»¹.

Константин Мочульский, критик редкой чуткости, заметит и другое: не страдания народа заставили Некрасова «завыть» свои заунывные песни, но собственная, нескончаемая душевная боль. Эту свою нестерпимую муку он выплеснул на то, что видел вокруг:

«Самое личное, самое неповторимое — ритм своего дыхания, свою *некрасовскую* тоску — поэт переносит на родину. На такой глубине интимное и общее — совпадают. Некрасов, стараясь передать свой напев, делается народным певцом. Его стон — стон всех.

---

¹ Мочульский К.В. Кризис воображения. Статьи. Эссе. Портреты. Томск, 1999. С. 44.

В своей душе он подслушал «родные» русские звуки. И, подлинно, он самый национальный русский поэт. Теперь он знает: то, что звучало в нем, что с таким мучительным напряжением рвалось наружу — было не его песней, а песней народной. Не он, а весь народ: «Создал песню, подобную стону»¹.

И все же — только чувствовал непомерное страдание и в стихах выразил его как всеобщее? Собственной, некрасовской тоской только лишь окрасил остальной мир? Или особо чутким слухом уловил то, что пронизало русскую жизнь, и общую беду всех почувствовал как собственную?

Неизбывная душевная тоска Некрасова, о которой вспоминают современники, о которой он не раз говорил в своих письмах, — разве она связана только с его личной судьбой? Мать вспоминал страдальцей, измученной деспотом-мужем. В самом начале творческого пути, живя в Петербурге впроголодь, не получая от отца ни копейки, он побывал «в шкуре» пролетария. Но только ли здесь исток его «сочувствия» ко всем «униженным и оскорбленным»? Вспомним его детское потрясение от стога бурлаков:

Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевою,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик —
И сердце дрогнуло во мне.

(«На Волге»)

---

¹ Мочульский К.В. Кризис воображения. Статьи. Эссе. Портреты. Томск, 1999. С. 44.

Или — знаменитые строки, где он всматривается в жизнь молодой крестьянки:

Что так жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу —
Все лицо твое вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?..
На тебя, подбоченься красиво,
Загляделся проезжий корнет.

(«Тройка»)

Или — эти сумрачные, горестные картины, в которых страшна их обыденность:

Вот идет солдат. Под мышкою
Детский гроб несет детинушка.
На глаза его суровые
Слезы выжала кручинушка.

(«Гробок»)

А ведь иногда это чувство беды возникает с первых строк, когда еще и не рассказана история:

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,

Только не сжата полоска одна..
Грустную думу наводит она.

(«Несжатая полоса»)

Еще нет умирающего пахаря, еще не сказано ни слова о человеческом горе, а уже в нескольких беглых образах, в щемящем звуке фраз слышится голос беды. И сколько будет еще этих простых героев — с несбыточными надеж-

дами, с тоской и болью! И разве нет здесь той «всеотзывчивости», о которой скажет позже Достоевский в речи о Пушкине? Только всеотзывчивости особой — именно на людскую беду, на муку, на отчаяние. Не только частая подверженность мрачным настроениям, но и сострадание рождало подобные строки, даже те, которые могут показаться навеянными не то личным воспоминанием, не то сочувствием человеку совсем уже не из крестьянского мира:

Еду ли ночью по улице темной,
Бури заслушаюсь в пасмурный день —
Друг беззащитный, больной и бездомный,
Вдруг предо мной промелькнет твоя тень!
Сердце сожмется мучительной думой.
С детства судьба невзлюбила тебя:
Беден и зол был отец твой угрюмый,
Замуж пошла ты — другого любя.
Муж тебе выпал недобрый на долю:
С бешеным нравом, с тяжелой рукой;
Не покорилась — ушла ты на волю,
Да не на радость сошлась и со мной...

* * *

В молодые годы он пережил отчаянные минуты, когда его идеализм боролся с умом практическим. Порыв души звал к высоким целям, жизнь диктовала иное. Однажды он даже даст себе клятву «не умереть на чердаке»¹. И позже — будет иной раз сердиться на тех идеалистов, с которыми будет встречаться в своей литературной жизни. Они жили в мечтаниях, не спо-

---

¹Н.А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971. С. 247.

собные трезво оценить свои возможности, иной раз — обреченные на гибель.

Вставать на ноги он начал вовсе не как поэт, но как издатель. В 1843 году будут «Статейки в стихах без картинок», в 1844-м — альманах «Физиология Петербурга», в 1846-м — знаменитый «Петербургский сборник», где среди сотрудников не только уже достаточно известные — В. Г. Белинский, А. И. Герцен, граф В. А. Соллогуб, но слышны уже в полную силу голоса писателей нового поколения — Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, А. Н. Майкова, самого Н. А. Некрасова. Здесь, среди других его стихотворений, появится и то («В дороге»), где отчетливо слышны интонации подлинного Некрасова.

И все же пока главный успех его ждет на издательском поприще. В конце 1846 года Н. А. Некрасов и его приятель И. И. Панаев заключили соглашение с П. А. Плетневым, издателем журнала «Современник», первые четыре номера которого вышли десятилетие назад под редакцией Пушкина. В январе 1847-го выходит первый номер журнала с новым составом сотрудников. С этого времени и на долгие годы — это одно из лучших русских периодических изданий. Номинальным редактором поначалу будет цензор А. В. Никитенко, потом — Панаев. Фактическим редактором будет Некрасов, он будет той «ломовой лошадь», которая тянула на себе бремя журнальной «закулисы» — войну с цензурой, поиск материалов, писание беллетристики для того, чтобы можно было заполнить очередной номер. Идейным вдохновителем — до самой своей смерти в 1848 году — будет Белинский. Позже — с середины 1850-х Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. Жизнь Некрасова надолго связалась с жизнью «Современника». Даже его большая любовь — А. Я. Панаева — из со-

трудников журнала. Только тяжелая болезнь заставит его на год, с лета 1856-го до лета 1857-го, удалиться за границу, передав бразды правления в руки Чернышевского.

Издательские дела шли довольно успешно. Появилось сатирическое приложение «Свисток». Война с цензурой, попытка разрешить разногласия между сотрудниками, удержать редакцию от раскола — драматическая сторона этой жизни. Начало 1860-х — смерть Панаева и Добролюбова, арест Чернышевского и поэта М. Л. Михайлова — из ряда личных трагедий.

«Как вы относитесь к распространенному мнению, будто Некрасов был безнравственный человек?» Вопрос в анкете Чуковского¹, заданный поэтам начала века, не был случайностью. Ведь и Достоевский в своей некрологической статье не мог отвести его в сторону. И все же его мнение — отличается и чуткостью, и глубинным пониманием. Да, вокруг «практической жизни» поэта больше сплетен, нежели действительных фактов: «У такого характерного и замечательного человека, как Некрасов, — не могло не быть врагов»². И даже то, что действительно было в его жизни — крайне преувеличено. «Но приняв это, — продолжает Достоевский, — все-таки увидим, что нечто все-таки остается. Что же такое? Нечто мрачное, темное и мучительное бесспорно, потому что — что же означают тогда эти стоны, эти крики, эти слезы его, эти признания, что «он упал», эта страстная исповедь перед тенью матери? Тут самобичевание, тут казнь?»³

---

¹ *Чуковский К.* Некрасов. Статьи и материалы. Л., 1926. С. 393.

² *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. в 30-ти т. Т. 26. — Л.: Наука, 1984. С. 121.

³ *Там же.*

В глазах многих современников Некрасов — деловой и «практический» человек, не только умеющий «заработать» на журнальном деле, но и способный на поступки «неблаговидные». Не случайно некоторые из писателей «старой закалки» полагали, что в стихах Некрасов фальшив, что он только лишь примеривает на себя роль «сочувственника» и «сострадальца». И даже те, кто ощутил искренность поэта, часто испытывали неловкость. Т.Н. Грановский услышал однажды Некрасова, читающего свои стихи: «...я был поражен неприятным противоречием между мелким торгашом и глубоко и горько чувствующим поэтом»¹.

Корней Чуковский, «излазивший» биографию Некрасова до самых «потаенных» уголков, готов был этой черте характера Некрасова дать иное толкование. Дело не только в том, что Некрасов, «хлебнув» в юности нищеты, *научился* зарабатывать журнальным делом, и не только в том, что эта пора жизни дала ему и особые привычки, и манеру поведения. Но, проделав в ранней молодости тот путь, которым скоро пойдут многие «шестидесятники», разночинцы, Некрасов и сам становится «наполовину» человеком иного сословия. В нем еще сидит барин, но живет уже и «деловой человек».

Это наблюдение объясняет известный эпизод в истории «Современника», этого любимейшего детища Некрасова, когда, не сумев смягчить противостояние между людьми своего поколения, Тургенев прежде всего, и «шестидесятниками», Добролюбовым и Чернышевским, Некрасов, в конце концов предпочел

---

¹ Цит. по: Н.А. Некрасов в воспоминаниях современников. М.: Худож. литература, 1971. С. 20.

Н.А. Некрасов в воспоминаниях современников. — М.: Худож. литература, 1971. С. 178.

все-таки не давних знакомых, но молодых и «нахрапистых». В 1866-м эта же «двойственность» сыграет с ним жестокую шутку. После покушения Д. В. Каракозова на императора Александра II журнал был, в сущности, обречен. И чего стоила Некрасову эта «ода» М. Н. Муравьеву-Вешателю, от которого всецело зависела судьба «Современника»! И журнал не спас, и вызвал не только жестокие насмешки врагов, но и мучительные укоры со стороны единомышленников.

Но «двойственность» Некрасова — это не только его «разносословность», но и одиночество: все-таки ни в круг «людей сороковых годов», ни в круг «шестидесятников» он не вписывался. Для первых — он слишком сметлив и расчетлив, всему «знает цену» в самом буквальном смысле этих слов, для вторых — слишком непоследователен. Сотрудник «Современника» М. Антонович вспоминал, что произошло в редакции после того выстрела Каракозова: «В один прекрасный день Некрасов объявил нам, что он больше не нуждается в наших услугах и содействии и должен расстаться с нами, что он только для того, чтобы не возвращать подписных денег, доведет журнал до конца года как-нибудь один, и без нас, а затем бросит его. При этом он обещал выдать каждому из нас в виде отступных сумму денег и скоро действительно исполнил обещание в некоторой части. — Таким образом, мы расстались по-хорошему, не враждебно, но и не дружелюбно, без сожаления и с порядочным осадком горечи в наших чувствах вследствие последних инцидентов».

Одного не знал М. Антонович: пережитых Некрасовым угрызений. За посланием Муравьеву, которое сам Некрасов уничтожит, тут же последует знаменитое, с мукой выговоренное:

Ликует враг, молчит в недоумении
Вчерашний друг, качая головой,
И вы, и вы отпрянули в смущеньи,
Стоявшие бессменно предо мной
Великие, страдальческие тени,
О чьей судьбе так горько я рыдал,
На чьих гробах я преклонял колени
И клятвы мести грозно повторял...
Зато кричат безличные: «Ликуем!»,
Спеша в объятья к новому рабу
И пригвождая жирным поцелуем
Несчастливого к позорному столбу.

Потому Некрасов и мог испытывать сострадание к «падшим», что сам был из их числа. Тяга к раскаянию делала его в иные минуты одним из самых христианских поэтов. И вот рождается притча о житии мироеда («Влас»), что «брал с родного, брал с убогого», а после — с нагрянувшей беды — с ним свершилось преобразование:

Роздал Влас свое имяние,
Сам остался бос и гол
И собирать на построение
Храма Божьего пошел...

Или возникает горестная история мужа, узнавшего про измену жены («Зеленый шум»). Он изводит себя, он не может найти покоя, не может быть рядом с ней:

В избе сам-друг с обманщицей
Зима нас заперла,
В мои глаза суровые
Глядит, — молчит жена.
Молчу... а дума лютая
Покоя не дает:
Убить... так жаль сердечную!
Стерпеть — так силы нет!

Но вот — дохнуло весенней свежестью, вот разомкнулось лютое пространство, и приходит воскрешение души, где строки стихотворения — почти проповедь:

Люби, покуда любитя,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И — Бог тебе судья!

И понятно это видение самого Некрасова, что явилось в стихотворении «Рыцарь на час»:

В стороне от больших городов,
Посреди бесконечных лугов,
За селом, на горе невысокой,
Вся бела, вся видна при луне,
Церковь старая чудится мне,
И на белой церковной стене
Отражается крест одинокий.
Да! я вижу тебя, божий дом!
Вижу надписи вдоль по карнизу
И апостола Павла с мечом,
Облаченного в светлую ризу.

И сколь подлинны, столь и непреложны эти его стенания над могилой матери:

О прости! то не песнь утешения,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну — и ради спасения
Я твою призываю любовь!
Я пою тебе песнь покаяния,
Чтобы кроткие очи твои
Смыли жаркой слезою страдания
Все позорные пятна мои!
Чтоб ту силу свободную, гордую,
Что в мою заложила ты грудь,
Укрепила ты волею твердою
И на правый поставила путь...

На самом деле он чувствовал боль других или только разыгрывал отзывчивость? Многие, очень многие отказывались верить в его искренность. Позже Борис Эйхенбаум даже найдет особое объяснение некрасовскому слову: «Любители биографии недоумевают перед «противоречиями» между жизнью Некрасова и его стихами. Загладить это противоречие не удастся, но оно — не только законное, а и совершенно необходимое, именно потому, что «душа или «темперамент» — одно, а творчество — нечто совсем другое. Роль, выбранная Некрасовым, была подсказана ему историей и принята как исторический поступок. Он играл свою роль в пьесе, которую сочинила история, — в той же мере и в том же смысле «искренно», в каком можно говорить об «искренности» актера. Нужно было верно выбрать лирическую позу, создать новую театральную эмоцию и увлечь ею «не внемлющую пророчествам» толпу. Это и удалось Некрасову»¹.

Вряд ли бы сам Некрасов мог без содрогания прочитать это о себе. И не точнее ли будет вслушаться в слова читателя, который не только мог «построить теорию», но и вслушаться?

«Совесьть — странный дар. Кому такая мера ее дается? В Некрасове она жила с детства и все росла, хотя он о ней не думал. Тем была она страшнее: как слепая змея в сердце. Он не умел защищаться от своих страстей, они легко овладевали им; тем легче, что он искал каких-нибудь «передышек»: забыть терзания»².

Не все сказаны эти слова Зинаидой Гиппиус. Отсюда пришла его поэзия. Из необъятных страстей

---

¹ *Эйхенбаум Б.* О поэзии. Л., 1969. С. 58.

² *Гиппиус З.Н.* Загадка Некрасова // Гиппиус З.Н. Арифметика любви (1931–1939). СПб., 2003. С. 535.